

Тайны

Автор:

Зинаида Гиппиус

Тайны

Зинаида Николаевна Гиппиус

«Пожалуйста, не смейтесь: Любочка этого терпеть не может. Ее еще зовут не Любочкой, а просто Люлю, как она назвала себя, когда была маленькая, когда у нее были «года»; теперь, с некоторого времени, у нее «лета» (пять). С летами, хотя Любочка очень ждала их, мало что переменилось; все так же «большие» находят Люлю девочкой избалованной и дикой; все так же они что-то скрывают, а многого сами не понимают; все так же отвратительно громко хохочут. Хохота Люлю совсем не могла выносить: вздрагивала, хмурилась, а то начинала и реветь...»

Зинаида Гиппиус

Тайны

Пожалуйста, не смейтесь: Любочка этого терпеть не может. Ее еще зовут не Любочкой, а просто Люлю, как она назвала себя, когда была маленькая, когда у нее были «года»; теперь, с некоторого времени, у нее «лета» (пять). С летами, хотя Любочка очень ждала их, мало что переменилось; все так же «большие» находят Люлю девочкой избалованной и дикой; все так же они что-то скрывают, а многого сами не понимают; все так же отвратительно громко хохочут. Хохота Люлю совсем не могла выносить: вздрагивала, хмурилась, а то начинала и реветь.

Люлю разговаривала только с няней своей Грушей, не маленькой, но не очень и большой, от которой требовала неотступности, днем и ночью: да еще с бабушкой

в мезонине. Мама – не в счет, с мамой и некогда разговаривать, с ней нацеловаться не успеваешь; и мама – немножко сама же Люлю. Что немножко, что не совсем, – это Люлю узнала вот как: она видела во сне сад, и что с мамой в саду гуляет. А когда спросила маму, помнит ли она об этом, мама покачала головой и сказала: «Ведь ты же видела сон, а не я». Это было непонятно, мама во сне так же видела сад, как Люлю, но спрашивать, даже маму (не то, что других больших!) Любочка не хотела: и тут, очевидно, была тайна, – как везде и повсюду кругом. Тайна же – это всегда то, о чем нельзя спрашивать, стыдно, страшно, да и бесполезно, особенно больших: наверно не скажут, если и знают; выдумают что-нибудь нарочно. Самое большее, что можно, – спросить не прямо, а так, обыкновенное, подходящее... Любочка вся, раз, замерла от ужаса, когда шестилетний кузен Вася прямо спросил, за обедом, почему в супе плавают кружки. Ему ответили, что это масло. Он поверил, хотя знал же, что масло твердое и белое, а кружки прозрачные. С Васей, и с другими мальчиками и девочками, Люлю еще меньше говорила, чем с «большими», и не играла. Совсем ничего не понимают!

Насчет сада и мамы во сне, Любочка думала одна и могла только придумать, что сны видятся изнутри. А внутри – я. Мама говорит: «Не я видела». А видела я, Люлю. Значит, сны отдельные. Значит, мы с мамой, во сне, отдельные... Это-то так, но и так – еще хуже тайна. Да их, впрочем, не оберешься. Почему слова, например? Почему каждое что-нибудь значит, но если какое-нибудь все повторяет, – «муфта, муфта, муфта»... оно уж ничего не значит? А есть такие, которые сами значат – тайну. Любочка не знала этого сперва и, услышав слово «болонка», спросила. Ей сказали: «Маленькая собачка». Нарочно сказали: потому что когда Люлю увидела из окна маленькую собачку, закричала: «Болонка! болонка! Принеси мне сейчас болонку!» и собачку принесли, все стали гадко хохотать: «Какая же это болонка? Это дворняжка!». Про «устрицу» Люлю уж и не спрашивала; сама ее себе вообразила. И когда раз шли оне с Грушей – няней на даче, по дорожке, и выскочила, через дорожку прокатилась, устрица, вся круглая, в серых иглах, и Люлю закричала, в восторге: «Устрица! устрица!» – Груша только головой покачала: «Что вы, Любовь Ивановна, можно ли это говорить!».

Если большие очень пристают – Люлю умела поставить их на место. Один из дядей, – Коля, – громадный, черный (сама Люлю ужасно мала, бледные волосы завиваются слабыми локонами), дядя этот особенный приставала. Шарады выдумал: первое имя Лю, второе тоже Лю, и целое – глупая девочка. И опять: первое Лю, и второе Лю, а целое – капризная дурочка. Отгадала?

Люлю только глядела, насупившись, а потом говорит:

– Я тоже шараду. Первое мое имя Ко, второе Ля, а целое... – тут она задумалась на минутку, потом, как отрезала:

– А целое – бессмертный дурачина!

Когда кругом захохотали, Люлю не удостоила раздражиться, взяла Грушу за руку и – в детскую.

Люлю приметлива: она, кроме тайн, заметила, что если ждешь чего-нибудь, думаешь, будет вот так, – будет непременно не так. Тетя Маша поехала в лавки: «Я тебе, Люлюша, подарочек привезу». Целый день она с Грушей гадали, какой подарочек. Всякое придумывали. Только бы не конфет! боялась Люлю. Груша утешала: «Что вы! Она знают, что вы не любите!». А тетя привезла именно конфет и обиделась, что Люлю целый час громко ревела.

Мало того, что большие тайн не понимают. Они любят обманывать, сами не зная, зачем. «Папино завтра рождение». «Что это, рождение?» – спросила Люлю. «А папа завтра родится, будет маленький ребеночек, в колыбельке лежать, у-а кричать». Люлю промолчала, но поверила. Когда же, на другое утро, увидела, что папа выходит из спальни, в лисьей своей тужурке, точь-в-точь такой же большой, как вчера, – бросилась Груше на руки и опять заревела. Никто не понимал, почему; а она вовсе не на папу обиделась, – на обман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gippius_zinaida/tayny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)